

RU

Внешность человека через призму зооморфной метафоры в русском и китайском языках

Гаврилюк М. А.

Аннотация. Цель исследования – выявление универсальных и национально-специфических параметров образности, лежащей в основе русских и китайских зооморфных метафор, которые участвуют в создании типовых представлений о внешности человека. В статье рассмотрена лексическая репрезентация метафорического осмысления внешнего облика человека через анималистические образы в сопоставительном аспекте. В рамках базовой метафорической модели «Внешний вид животного – внешность человека» были выделены и проанализированы фреймы «Общая оценка внешнего вида», «Телосложение и рост», «Форма частей тела и органов», «Физическое состояние» и «Возраст». Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые на материале русского и китайского языков описан и систематизирован сегмент зооморфной метафоры, сформированный на основе сферы-источника «Внешние характеристики животного». В результате исследования установлено, что процесс развития метафорических значений зооморфизмов, характеризующих внешность человека в рассматриваемых языках, в целом базируется на схожих прототипических представлениях об антропоморфных свойствах того или иного животного. Вместе с тем под влиянием стереотипов национального сознания происходит эмоционально-оценочное переосмысление их значений, вследствие чего одни и те же зоонимы получают неодинаковое метафорическое освоение и оценочную интерпретацию в рамках рассматриваемых лингвокультур.

EN

Human appearance through the lens of zoomorphic metaphors in Russian and Chinese

Gavrilyuk M. A.

Abstract. The study aims to identify the universal and culture-specific parameters of imagery underlying Russian and Chinese zoomorphic metaphors that are involved in the creation of typical ideas about human appearance. The paper considers the lexical representation of the metaphorical understanding of human appearance through animalistic images in a comparative aspect. Within the framework of the basic metaphorical model “Animal appearance – human appearance”, the following frames were identified and analysed: “General assessment of appearance”, “Physique and height”, “Shape of body parts and organs”, “Physical condition” and “Age”. The study is novel in that it is the first to describe and systematise a segment of zoomorphic metaphors formed on the basis of the source domain “External characteristics of an animal” using the material of the Russian and Chinese languages. As a result of the study, it has been found that the process of development of metaphorical meanings in the zoomorphisms characterising human appearance in the languages under consideration is generally based on similar prototypical ideas about the anthropomorphic properties of an animal. At the same time, an emotional and evaluative rethinking of their meanings occurs under the influence of national consciousness stereotypes, which results in the same zoonyms receiving unequal metaphorical development and evaluative interpretation within the framework of the linguistic cultures under consideration.

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена современными тенденциями в развитии лингвистической науки, проявляющимися в сосредоточении научного интереса на вопросах выявления и систематического описания взаимосвязи языковой семантики с когнитивными структурами и механизмами, непосредственно соотносимыми с процессом вербализованного упорядочения знаний носителей языка о мире. Такого

рода исследования позволяют не только установить общие закономерности концептуализации действительности, но и определить ее национально-специфические особенности, поскольку семантика языка неотделима от образа мышления, мировидения и способа познания внешнего мира того или иного народа.

Вместе с тем в условиях обострившегося противостояния культур Востока и Запада для повышения эффективности межкультурного взаимодействия особую значимость приобретают работы, в которых предпринимается попытка дать объяснение культурным и национальным различиям в понимании и вербализации важнейших фрагментов действительности в двух или нескольких языках. В этой связи становится закономерным обращение к метафоре как лингвокогнитивному механизму моделирования действительности на основе разных видов образных аналогий.

Изучение основных тенденций развития научной теории в современном языкознании позволяет говорить о преобладании на сегодняшний день многоаспектного ракурса в исследованиях феномена метафоры, предполагающего одновременный учет особенностей ее функционирования в рамках коммуникации, языкового сознания, мыслительных процессов, а также ее связь с культурой в аспекте отражения национально обусловленных представлений носителей языка о мире (Телия, 1988; Чудинов, 2001; 2003; Балашова, 2014; Дюзенли, 2016; Резанова, 2010). В этом контексте экспланаторный потенциал метафоры может быть использован как эффективный инструмент для реконструкции отдельных фрагментов языковой действительности с целью выявления как общих универсальных смыслов, так и этноспецифических черт, свойственных тому или иному языковому коллективу (Белевцова, 2019, с. 186).

К наиболее популярному и продуктивному виду метафорической номинации, активно используемому большинством языковых коллективов, можно отнести зооморфную метафору, представляющую собой результат двойной когнитивной проекции, связанную с ассоциативным уподоблением свойств животного и человека. Следствием функционирования данного когнитивного механизма является формирование универсальных моделей, лежащих в основе зооморфной метафоры и порождающих сходные метафорические номинации человека через образ животного в различных языках.

Вместе с тем под влиянием различных этнокультурных стереотипов, существующих в той или иной лингвокультуре, универсальные элементы когнитивной системы могут приобретать национально-специфические черты (Богданова, 2023, с. 27). В частности, универсальные метафорические модели могут наделяться разной образной «значимостью» и оценочной акцентуацией в типологически различающихся языках и культурах, что, в свою очередь, и приводит к возникновению национально-специфических зооморфных номинаций в неродственных языках. Исходя из этого, можно предположить, что сопоставительное исследование зооморфных метафор, участвующих в создании типовых представлений о внешности человека в таких неродственных языках, как русский и китайский, позволит выявить универсальные и специфические параметры определенных фрагментов языковой картины мира, воплощающих представление о человеке в рассматриваемых лингвокультурах.

Для достижения вышеуказанной цели исследования необходимо решить следующие задачи:

- отобрать и систематизировать зооморфные метафоры со сферой-мишенью «внешний облик человека» в русском и китайском языках;
- определить основания метафорических проекций анималистических образов на различные характеристики внешности человека в русском и китайском языках;
- выявить и описать универсальные и культурно-специфические аспекты метафорического переосмысления зоонимических образов в русском и китайском языках.

Материалом для исследования послужила картотека переносных значений зоонимов в русском (232 единицы) и китайском (155 единиц) языках, метафорически проецируемых на обозначения характеристик внешности человека, извлеченных методом сплошной выборки из следующих лексикографических источников:

Брилева И. С., Вольская Н. П., Гудков Д. Б. Русское культурное пространство: лингвокультурологический словарь / под ред. И. В. Захаренко, В. В. Красных, Д. Б. Гудкова. М.: Гнозис, 2004 (РКП).

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. М.: Азбуковник, 2010.

Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. Изд-е 4-е, стер. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. Т. 1-4.

现代汉语词典 / 中国社会科学院语言研究所. 7 版. 北京, 2016 (Словарь современного китайского языка / Институт лингвистики, Академия общественных наук КНР. Изд-е 7-е. Пекин, 2016).

现代汉语大词典. 上海: 上海辞书出版社, 2009 (Большой словарь китайского языка. Шанхай: Шанхайское издательство словарей, 2009).

汉语成语大词典 / 湖北大学古籍研究所编. 北京, 2019 (Словарь китайских идиом / под ред. Научно-исследовательского института древней литературы Хубэйского университета. Пекин, 2019).

К исследованию также привлекались сведения из фразеологических и лингвокультурологических словарей, контексты использования зооморфных номинаций из национальных корпусов русского (НКРЯ. URL: <https://ruscorpora.ru/>) и китайского (BCC. URL: <http://bcc.blcu.edu.cn/>) языков.

Теоретическую базу исследования составляют работы в области когнитивной теории метафоры и метафорического моделирования (Лакофф, Джонсон, 2008; Кубрякова, 2004; Чудинов, 2001; 2003), а также базовые положения лингвокультурологического подхода к изучению метафоры (Апресян, 1995; Вежицкая, 1996; Красных, 2003; Телия, 1988; Гридина, Коновалова, 2020).

Для проведения сопоставительного исследования метафорической репрезентации особенностей внешнего облика человека через их ассоциативное уподобление с характеристиками представителей животного мира в данной статье применяются методы тематической классификации и систематизации языкового материала, метод компонентного анализа (при выявлении коннотативных сем и оснований образной аналогии), элементы лингвокогнитивного моделирования как процедуры описания анималистического образа, а также сравнительно-сопоставительный метод при определении универсальности и специфичности метафорического переосмысления зоонимов в рассматриваемых языках.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его материалов в практике преподавания русского и китайского языков, при разработке и чтении теоретических и практических курсов, посвященных вопросам межкультурной коммуникации, лингвокультурологии, теории и практики перевода, общего и сравнительно-исторического языкознания. Кроме того, представленный в статье опыт интерпретации метафорических соответствий может использоваться в качестве основы для их словарного представления при составлении двуязычных словарей зооморфной метафоры.

Обсуждение и результаты

Как носителям китайского, так и русского языка свойственно использование зооморфных номинаций, выражающих **общую оценку внешнего вида** («человек красивый/некрасивый»). Так, например, при описании красивой, стройной молодой женщины, внешность которой соответствует идеалу женской красоты, носители русского и китайского языков могут прибегнуть к образу *лебедя/白天鹅*. Ср. рус.: «А из терема навстречу Оленька, белая лебедушка: здравствуй, свет мой, Бенья, а попрошу к столу, уж так заждалась...» (Толстая Т. Кысь); и кит.: «我不解的问嫣姐姐, 为什么她可以那么美, 像一只优雅的白天鹅, 而我却始终是一只灰溜溜的丑小鸭呢». / Я с недоумением спросил сестрицу Янь, почему она такая красивая, словно прекрасная белая лебедь, а я навсегда останусь невзрачным гадким утенком (ВСС). Основанием для метафорического использования данного зоонима становятся общие для обеих культур прототипические представления о лебедях как о красивой белоснежной птице с изящной, гибкой и длинной шеей. Именно символика «красоты и изящества» оказывается доминантной в развитии зооморфного образа «девушка/женщина словно лебедь», что подтверждается эквивалентными переносными значениями лексемы *лебедь/白天鹅* в обоих языках.

Для наименования привлекательного, статного молодого человека или мужчины, как правило обладающего при этом целым рядом достоинств, носители русского языка обращаются к образу *орла* (ср. *орел-парень, орел-мужчина*). В основе метафоризации данной зоонимической номинации лежит оценка характерных особенностей внешнего вида, нрава и поведения птицы, соотносимых не столько с внешностью человека как таковой, сколько с его имиджем в целом. В русском народном сознании орел предстает гордой, свободолюбивой и независимой птицей, в облике и поведении которой проявляются «царственность» и «величие». Он является воплощением таких традиционно мужских качеств, как сила, воинственность, храбрость и благородство (РКП, 2004, с. 134). В данном случае особенностью развертывания процесса метафоризации является то, что в зависимости от интенции говорящего маркированным компонентом зооморфного образа «человек как орел», наряду с «величием» и «статностью», может выступать любая из приписываемых этой птице антропоориентированных характеристик (например, таких как красота, статность, мужественность, смелость, свободолюбие, гордость, независимость, опытность и т. д.).

В китайском языке аналогичная оценка внешности человека может выражаться через образы мифических животных 龙 ‘дракон’ и 凤凰 ‘феникс’. Например, устойчивое выражение 龙眉凤眼 ‘брови дракона, глаза феникса’ используется для образной характеристики талантливого, выдающегося человека (мужчины) с привлекательной, незаурядной внешностью; а 凤表龙姿 ‘наружность феникса, облик дракона’ употребляется в значении ‘привлекательный и элегантный (о мужчинах)’. В традиционной китайской народной символике 龙 ‘дракон’ и 凤凰 ‘феникс’ рассматриваются как позитивная сила. Дракон ассоциируется с красотой, мощью, процветанием и развитием, счастьем и удачей, являясь при этом знаком этнической идентичности китайцев (张岂之, 2006, с. 36-42). Вместе с тем, выступая воплощением светлого мужского начала ян, он отвечает за орошение почвы и плодородие земли. Он мудр, наделен высшей духовной силой, а также всеми теми качествами, которыми в представлении китайцев должен обладать настоящий мужчина. Что касается феникса, то он издавна почитался в Китае как божественная приносящая благие вести птица, символизирующая красоту и гармонию. В сознании носителей традиционной китайской культуры феникс, будучи в целом янским символом, выступает олицетворением лучших качеств и добродетелей, присущих благородному мужу (Сомкина, 2008, с. 291). Перечисленные национально-культурные стереотипы восприятия образов 龙 ‘дракон’ и 凤凰 ‘феникс’ лежат в основе их метафорического использования для характеристики внешне привлекательного молодого человека / мужчины, у которого много достоинств. При этом, так же как и в случае с рус. зоометафорой *орел*, доминантным параметром, задающим основу для метафорического переосмысления, могут выступать любые из человеческих качеств, соотносимых с антропоориентированными характеристиками этих мифических животных.

В случае зооморфной номинации внешне непривлекательного, некрасивого человека носители русского и китайского языков могут обратиться к образу *жабы/癞蛤蟆*. В русском языке этот зооморфный образ используется для характеристики человека с отталкивающей внешностью: глаза навывкате (лупоглазый), с большим ртом (возможно, полный человек, невысокого роста, с неровной кожей и/или нездоровым цветом

лица) (РКП, 2004, с. 75): «...он напоминал теперь огромную безобразную жабу...» (Самбук Р. Горький дым); «Ты отвратительна как жаба, уж не меньше» (РКП, 2004, с. 75). В основе метафорического переноса – общая негативная оценка внешнего вида животного, воспринимаемого как достаточно крупное, холодное, скользкое существо с бородавчатой слизистой кожей, вызывающее неприятие и отвращение. Причем эта отрицательная характеристика внешности переносится и на оценку моральных качеств человека, называемого жабой.

В семантике китайского зооморфизма 癩蛤蟆 ‘жаба’ также прослеживаются сходные коннотативные компоненты, указывающие на непривлекательную, отталкивающую внешность. Однако в данном случае основным источником этих негативных коннотаций является народная афористика. Так, например, образ жабы, встречаемый в контексте недоговорки-иносказания 癩蛤蟆想吃天鹅肉 — 痴心妄想 ‘захотелось жабе лебяжьего мяса поест’ – образно в знач. ‘размечтаться, раскатать губу’, в результате развития его базовой символики «омерзительности», а также метафорического переосмысления значения самой недоговорки стал употребляться для характеристики внешне непривлекательного мужчины, всеми средствами тщетно пытающегося добиться расположения красивой девушки (Тан Юе, 2022, с. 87). Примечательно то, что и зооним 青蛙, обозначающий в китайском языке родственное жабе животное – лягушку, получил в языковом сознании китайцев практически идентичную метафорическую символику и используется также в качестве зооморфной номинации внешне очень некрасивого или даже уродливого молодого человека.

Описывая невзрачную, невыразительную или неприметную внешность, носители русского языка вероятнее всего обратятся к образу мыши (ср. *серая/серенькая мышь/мышка*). В оценочном переносном значении упомянутой зооморфной метафоры отражены прототипические представления русских о внешнем виде и повадках животного (*очень мелкое животное, обычно серого цвета, с острой мордочкой и длинным голым хвостом; юркое, проворное, быстро бежит, может незаметно проникать даже в самые маленькие щели*) (РКП, 2004, с. 128). Основной метафорический перенос здесь выступает сема ‘мелкий’, которая ассоциативно разворачивается следующим образом: ‘мелкий’ – ‘способный пролезть в любую щель’ – ‘незаметный’ – ‘невзрачный’. Помимо оценки размера, еще одним доминантным признаком в восприятии зооморфного образа *мыши* также является характеристика по цвету шерсти животного. При этом ассоциативное развертывание семы ‘серый’ происходит следующим образом: ‘серый’ – ‘неяркий’ – ‘блеклый’ – ‘невзрачный’ – ‘заурядный’ – ‘неинтересный’. Именно эти характеристики, спроецированные на образ человека, и стали основой экспрессивно-оценочного переосмысления значения исходного зоонима. Что касается китайского языка, то среди проанализированного языкового материала нами не было выявлено примеров метафорического описания невзрачной, блеклой внешности человека через аналогию с представителями животного мира.

Зооморфные метафоры русского и китайского языков фиксируют **характеристики телосложения и роста** человека путем сравнения с размерами и пропорциями тела животного. Так, худощавое телосложение у носителей китайского языка ассоциируется с образом худой обезьяны (ср. 瘦猴/瘦猴儿 ‘тощая обезьяна’, 瘦猴似的 ‘тощий как обезьяна’), а у русских – с плоскими, небольшими рыбами или червями *воблой, селедкой, глистом* (ср. *вобла сушеная; худая как селедка; глист сушеный*). Высокий рост и худоба в обоих языках метафорически описываются через аналогию с образом длинноногой птицы: ср. кит. зооморфизм 仙鹤腿 ‘журавлиные ноги’ и рус. *долговязая цапля/аист*, иронично употребляемые для наименования высокого и худого человека. Для указания же на низкий рост в обоих языках могут использоваться зооморфные номинации, восходящие к образам небольших по размеру птиц: *пигалицы* в русском языке и *麻雀 ‘воробья’* в китайском. Например, в поговорке 麻雀虽小, 五脏俱全 (букв. ‘воробей хоть и мал, но все органы у него на месте’) *麻雀* может служить эталоном для характеристики человека невысокого роста, но при этом хорошо сложенного.

Частичное совпадение зооморфных образов наблюдается при реализации метафорической модели, характеризующей плотное, крепкое телосложение и высокий рост человека посредством ассоциации с животными крупного размера. В русском языке данная характеристика вербализуется с помощью зооморфизмов *бык, буйвол, жеребец, медведь, слон, кобыла, лошадь, слониха*; а в китайском – посредством зооморфных номинаций 老虎 ‘тигр’, 熊 ‘медведь’, 牛 ‘бык’ и 马 ‘лошадь’. Толстые люди в русском и китайском языковом сознании связываются с образом *свины*, в основе которого лежат стереотипные представления о чрезмерной тучности и прожорливости этого животного: ср. кит. 肥猪/肥胖的猪 ‘жирная свинья’, 胖得跟猪似的 ‘жирный как свинья’ и рус. *толстый кабан, жирный боров/свинья/хряк* и др.

Широко используются зооморфные образы в описании отдельных **частей тела (лицо, глаза, брови, нос, губы, зубы, грудь, талия и др.)**. Так, умеренно овальное вытянутое лицо у носителей китайского и русского языков ассоциируется с образами животных, имеющих удлиненную форму головы или морды, например с *лошадью* (ср. рус. *лошадиное лицо* и кит. 马脸女人 ‘женщина с лошадиным лицом’). Узкое лицо с заостренными чертами в русском языке сравнивают с продолговатой и заостренной мордочкой крысы, а в китайском – с формой головы змеи: *крысиное личико* и 蛇精脸 ‘змеиное лицо’.

Для характеристики больших, круглых или выпученных глаз используются метафорические номинации, восходящие к образам животных, обладающих идентичным размером и особенностями формы органов зрения, например *совы или жабы* в русском языке (*совиные глаза, жабы глаза*) и 牛 ‘бык’ или 金鱼 ‘золотая рыбка’ в китайском (牛眼 ‘бычий глаз’, 金鱼眼 ‘глаза золотой рыбки’). Эталон красивых выразительных глаз для носителей русского языка запечатлен в образе *газели* (*газельи глаза* – огромные блестящие черные глаза с длинными ресницами), в то время как в китайском языке в данном случае задействован образ мифической птицы 凤凰 ‘феникс’, глаза которой имеют миндалевидную форму с приподнятыми сверху наружными уголками (например, выражения 凤眼/凤眸 ‘глаза феникса’ служат для образного наименования красивых женских глаз). Что касается метафорического уподобления маленьких и круглых глаз, то в его основе в обоих языках лежат

оценочные стереотипные представления о размерах и форме глаз *крысы* или *мыши*: ср. рус. выражение *крысиные/мышьиные глазки* и кит. 鼠目獐头 ‘крысиные/мышьиные глаза и голова сайгака’, используемое для описания неприятной отталкивающей внешности человека с крохотными глазами и небольшой заостренной головой.

Изогнутые брови в сознании китайцев могут ассоциироваться как с изгибами тела гусеницы тутового шелкопряда, так и с формой усиков бабочки этого насекомого, что нашло отражение в соответствующих зооморфных номинациях 卧蚕眉/蚕眉 ‘брови как гусеницы шелкопряда’ и 蛾眉 ‘тонкие изогнутые как усики шелкопряда брови’. В русском языке метафорическое переосмысление через зооморфный образ получили густые, пышные и объемные брови, общий вид и текстурные характеристики которых сравниваются с мехом соболя – *соболиные брови*.

Тонкий нос с горбинкой в обоих языках метафорически описывается через аналогию с изогнутым клювом орла или ястреба (ср. рус. *орлиный/ястребиный нос* и кит. 鹰钩鼻 ‘орлиный/ястребиный нос’). Выступающие вперед торчащие зубы в русском языке образно сравниваются с формой зубов лошади или кролика, а в китайском – *тигра* (ср. рус. *лошадиные зубы, кроличьи зубы* и кит. 虎牙 ‘тигринные зубы’).

Особенности прически, стрижки или укладки волос, формы бороды и усов в рассматриваемых языках могут быть вербализованы с помощью зооморфных номинаций, в основе которых лежат представления о характере распределения волосяного покрова на теле некоторых млекопитающих, а также внешнем строении насекомых. Например, в русском языке при характеристике кудрявых волос осуществляется перенос признака кудрявости шерсти *барана* или *пуделя* на волосы человека (ср. *кудрявая как пудель; кудрявый как баран; завиться барашком*); коротко стриженные торчащие волосы образно сравниваются с игольчатым покровом *ежа* (ср. *стриженный ежом, прическа «ежик»*); густые пышные волосы ассоциируются с гривой *льва* или *лошади* (ср. *лошадиная грива, львиная грива*); длинные волосы, собранные позади головы в хвост, напоминающий лошадиный, метафорически именуются «*конским хвостом*»; длинные, густые, обвислые усы описываются путем сравнения с усами *моржа* (*моржовые усы*); небольшие, торчащие усы образно уподобляются усам *кота* или *таракана* (ср. *усы как у кота; тараканы усы*); узкая борода клиновидной формы связывается с образом *козла* (*козлиная борода*). В китайском языке также используются образные номинации подобного типа: 刺猬头 ‘прическа «ежик»’, 山羊胡子 ‘козлиная борода’, 马尾辫 ‘конский хвост’, 鼠须式的胡子 ‘крысиные усы’.

Устойчивыми для русского и китайского языков являются образные аналогии врожденной деформации верхней губы или нёба человека со строением соответствующих органов *зайца* или *волка* (ср. рус. *заячья губа, волчья пасть* и кит. 兔唇 ‘заячья губа’ и 狼咽 ‘волчья пасть’); выпирающей вперед грудной клетки – с килевидной формой грудины *курицы* (ср. рус. *куриная грудь* и кит. 鸡胸 ‘куриная грудь’); сутулой, искривленной спины – с горбом *верблюда* (ср. рус. *верблюжий горб* и кит. 驼背 ‘верблюжья спина’); тонкой талии – с сегментированным телом *осы* (ср. рус. *осиная талия* и кит. 蜂腰 ‘осиная талия’); длинных, стройных ног – с ногами *журавля* (ср. рус. *журавлиные ноги* и кит. 鹤腿 ‘ноги журавля’) и др. Вместе с тем к специфичным для китайского языка можно отнести сравнение тонкой талии с изгибами *тела водяной змеи* (水蛇腰 ‘талиа водяной змеи’), а для русского языка – сравнение человека с длинной шеей с *жирафом* (*шея как у жирафа*).

Зооморфные метафоры фиксируют представления об общем **физиологическом состоянии человека** путем сравнения с размерами тела и физической силой/слабостью представителя животного мира. В обоих языках получаемые в результате такой проекции зооморфные характеристики внешности человека тесно связаны с рассмотренными нами выше характеристиками по телосложению. Как в русском, так и в китайском языках практически все зоонимические номинации, описывающие плотное, крепкое телосложение, также имеют в своем значении коннотативную сему ‘*сильный*’ и ‘*здоровый*’; и, наоборот, метафорические значения ‘*худощавый*’, ‘*тощий*’ зачастую сопровождаются коннотацией ‘*физически слабый*’, ‘*хилый*’. Так, например, эталоном крепкого физического состояния как в русском, так и в китайском языке считается *бык* (ср. рус. *здоров/силен как бык* и кит. 健壮如牛/体壮如牛 ‘крепкий, здоровый как бык’). Кроме того, в русском языке данная характеристика может быть также вербализована с помощью зооморфизмов *буйвол, жеребец, медведь, слон, кобыла, лошадь, слониха* (например, *как/словно/точно жеребец стоялый* – о здоровом и сильном молодом человеке; *ну и лошадь эта баба* – о рослой, здоровой и сильной женщине и т. д.); а в китайском – посредством зооморфных номинаций *老虎 ‘тигр’, 熊 ‘медведь’ и 马 ‘лошадь/конь* (например, *虎背熊腰 ‘спина тигра и поясница медведя* – обр. в знач. «*богатырское сложение; здоровый, дюжий*»; *高头大马 ‘крупная лошадь* – обр. в знач. «*здоровяк, крупный человек*»; *牛高马大 ‘высок как бык и здоров как конь* – о крупном, рослом и сильном человеке). Нетрудно заметить, что в обоих языках эти же зооморфные образы используются и для указания на плотное, крепкое телосложение человека. Что касается признака ‘*физически слабый*’, ‘*хилый*’, то он метафорически выражается в сравнении с *козявкой, клопом, букашкой, пигалицей, воробьем, цыпленком* в русском языке и *богомолем, комаром, курицей* – в китайском (например, *鸡胸脯儿 – человек с куриной грудью* – обр. в знач. «*хилый, тщедушный*»).

С характеристиками общего физиологического состояния человека тесно связан **возраст**, являющийся важным показателем физической крепости и хорошего состояния здоровья. Для метафорического обозначения детского или юношеского возраста носители русского и китайского языков обычно обращаются к наименованиям детенышей животных, которые, становясь зооморфизмами, по своим коннотативным значениям могут как совпадать, так и существенно различаться в рассматриваемых языках. Так, например, семантически эквивалентными в русском и китайском языках являются зооморфные номинации *зайчонок/зайка/зая* 小白兔 ‘белый зайчик’; *тигренок* и *иу* 子 ‘тигренок’; *птичка/птенчик* и 小鸟儿 ‘птенец, птичка’; *медвежонок* и 小熊 ‘медвежонок, мишка’; *котенок* и 小猫 ‘котенок’ и т. д. Наряду с этим у зооморфизмов *щенок* и 小狗儿的 ‘щеночек’, *мартышка* и 小猴子 ‘обезьяна’, *телок* и 犊 ‘теленочек’ и др., также используемых для обозначения возрастных характеристик, наблюдается несовпадение коннотативных оттенков значения. Так, например, в русском языке *щенок* имеет уничижительную коннотацию и используется для наименования человека, который слишком молод,

неопытен для того, чтобы иметь свои собственные суждения и взгляды; в то время как в китайском языке 小狗儿的 ‘ценочек’ является мелиоративной характеристикой маленького ребенка и может употребляться в качестве ласкового наименования. В русском языке *мартышка* служит для метафорического обозначения ребенка, который склонен все перенимать или подражать кому-либо; а в китайском – для наименования непослушного, озорного малыша либо использоваться в качестве шуливого прозвища для не по годам развитого, смышленного подростка.

В случае метафорического обозначения людей пожилого возраста носители русского языка обычно прибегают к аналогиям с образами старых, доживающих свой век животных, например *лошади* (ср. значения *оде́р* и *кляча*), а носители китайского языка – к образам *черепахи* (龟) и *журавля* (鹤), продолжительность жизни которых, согласно китайской мифологии, составляет более тысячи лет, что позволило им стать символами долгожительства и бессмертия в ментальности китайского народа. Например, в китайском языке существует ряд метафорических выражений, описывающих внешность людей пожилого возраста через аналогию с образом журавля: 鹤发童颜 ‘волосы белые как перья журавля и детское лицо’ – о седом старике с крепким здоровьем; 鹤发鸡皮 ‘журавлиные (белые) волосы и куриная кожа’ и 鹤骨鸡肤 ‘кости журавля и куриная кожа’ – о внешности людей преклонного возраста. Кроме того, представления о черепахе и журавле как о долгожителях животного мира легли в основу многочисленных формул-пожеланий долголетия, используемых в речевом этикете китайцев, например: 龟年鹤寿, 龟鹤齐龄, 龟龄鹤算, 龟鹤遐寿 и др.

Заключение

Проведенное сопоставительное исследование русских и китайских зооморфных метафор продемонстрировало, что русский язык более богат лексическими образными единицами, участвующими в создании типовых представлений о внешности человека через образ животного. Это подтверждается процентным соотношением собранного материала, 60% (232 единицы) которого составляют русские зооморфизмы и 40% (155 единиц) – китайские. При этом в большинстве случаев они служат для отрицательной характеристики различных параметров внешнего вида человека. Как показало проведенное исследование, такая количественная диспропорция связана с тем, что в традиционной китайской культуре, базирующейся на концепциях буддизма, даосизма и конфуцианства, не принято использовать в адрес человека слова, задевающие его внешность или унижающие его личность и достоинство. Так, например, в одном из канонических текстах конфуцианства «*孝经·开宗明义*» («Канон сыновней почтительности». Глава 1 «Кай цзун мин и») приводится следующая фраза: «*身体发肤，受之父母，不敢毁伤，孝之始也*». / ‘Тело, волосы и кожа даны нам родителями; не смеем ранить их – в этом начало сыновней почтительности’. Это означает, что почтительный сын бережет и почитает данное ему тело, как своих родителей, избегая неуважительного к нему отношения и всего, что может причинить ему вред. Следовательно, согласно нормам конфуцианской морали, негативные отзывы о внешности человека считаются не просто унижением личности человека, но и оскорблением его предков.

Что касается результатов сравнения качественных характеристик рассмотренных зооморфизмов русского и китайского языков, то здесь обнаруживается как универсальность, так и специфичность репрезентируемых ими фрагментов языковой действительности. При этом наличие универсальных смыслов и параметров образности обуславливается тем, что исходная метафорическая модель «Внешний вид животного – внешность человека», лежащая в основе соответствующих русских и китайских номинаций, в целом базируется на одних и тех же прототипических когнициях, что порождает в рассматриваемых языках сходные зооморфные характеристики внешности человека. Сходство типизированных представлений русского и китайского народов о том или ином животном проявляется прежде всего в общности выбора объекта оценки (отдельных реальных или воображаемых внешних признаков или свойств животного), а также оснований для моделирования зооморфного образа.

Вместе с тем под влиянием стереотипов национального сознания, связанных с традиционной символикой «образа» животного в данной культуре, происходит эмоционально-оценочное переосмысление значений денотативного пространства «животный мир», находящее свое выражение в разной продуктивности и смысловой акцентировке антропоориентированных свойств одного и того же животного в сознании представителей русского и китайского этносов. В результате чего одни и те же зоонимы получают неодинаковое метафорическое освоение и оценочную интерпретацию в русском и китайском языках, что, в свою очередь, приводит к возникновению национально-специфических зооморфных номинаций, характеризующих внешность человека и формирующих соответствующий фрагмент национальной картины мира.

В качестве перспектив дальнейшего исследования заявленной проблематики можно назвать выявление и систематическое описание особенностей функционирования рассматриваемого вида метафорических аналогий в различных типах дискурса современного китайского и русского языков.

Источники | References

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды: в 2-х т. М.: Восточная литература, 1995. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография.
2. Балашова Л. В. Русская метафора: прошлое, настоящее и будущее. М.: Языки славянской культуры, 2014.
3. Белевцова Т. Б. Зооморфная метафора как отражение русской языковой картины мира // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2019. № 4 (285).

4. Богданова Л. И. Человек в зеркале зооморфной метафоры // Вестник Московского университета. Серия 19 «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2023. № 2.
5. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996.
6. Гридина Т. А., Коновалова Н. И. Метафора в свете национальной ментальности: монография. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2020.
7. Дюзенли М. В. Реконструкция метафорической картины мира семейных отношений: корпусно-идеографический подход: автореф. дисс. ... к. филол. н. Екатеринбург, 2016.
8. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003.
9. Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.
10. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: ЛКИ, 2008.
11. Резанова З. И. Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: идеи, методы, решения // Вестник Томского государственного университета. Серия «Филология». 2010. № 1 (9).
12. Сомкина Н. А. Историческая морфология китайского феникса // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9 «Филология. Востоковедение. Журналистика». 2008. № 4 (2).
13. Тан Юе. Зооморфная метафора в речи современной китайской и российской молодежи // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. № 4 (859).
14. Телия В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Серебренников Б. А., Кубрякова Е. С., Постовалова В. И. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М., 1988.
15. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: монография. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2003.
16. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000): монография. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2001.
17. 张岂之. 中国传统文. 北京, 2006 (Чжан Юйчи. Традиционная китайская литература. Пекин, 2006).

Информация об авторах | Author information

Гаврилюк Марина Александровна¹

¹ Иркутский государственный университет

Gavrilyuk Marina Aleksandrovna¹

¹ Irkutsk State University

¹ zhaolinna25@gmail.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 04.07.2023; опубликовано online (published online): 30.08.2023.

Ключевые слова (keywords): зооморфная метафора; зооморфизм; метафорическая модель; китайский язык; русский язык; языковая картина мира; zoomorphic metaphor; zoomorphism; metaphorical model; Chinese language; Russian language; linguistic worldview.